A 186
A 926

Ф 186.
926.

НАША СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА СЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. ЕЯ ХАРАКТЕРЪ И РАЗДѢЛЕНІЕ.

(Читано въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 25-го февраля 1874 года).

Издавна привыкли у насъ и на Западѣ называть русскую исторію съ Петра В. новою и характеризовать ее словомъ: заимствованіе, для указанія способа дѣйствія, и словами: реформа, централизація, регламентація, для опредѣленія результатовъ заимствованія. Живя, къ нашему счастію, въ эпоху заимствованій и реформъ, при дѣйствіи также централизаціи, регламентаціи и т. п., мы не можемъ не интересоваться установленіемъ точныхъ понятій какъ о заимствованіи, такъ и о реформѣ и другихъ чертахъ нашей исторіи съ Петра В. для ея отличенія отъ древней и отъ современной намъ жизни. Начнемъ съ понятія заимствованія, которымъ по привычному способу выражаться, исторія съ Петра В. существенно разнится отъ исторіи древней до петровской, основанной преимущественно на привязанности народа къ его родному, народному и на его стремленіи сознать, установить и развить все народное, русское. Въ этомъ общемъ, неопредѣленномъ видѣ привычная характеристика нашей исторіи, конечно, можетъ быть допущена и принята. Отсюда выйдетъ, что до Петра В. нашъ народъ жилъ, какъ бы по началу объособленія, по началу отличенія своего отъ чужаго, или по началу самопознанія, съ цѣлію развить свое русское до такой степени, на которой народное русское

могло войти въ составъ общечеловѣческаго и образовать изъ себя русскій вкладъ, или русскую лепту въ общемъ достояніи народовъ. Отсюда же, изъ привычной характеристики, объяснится, что съ Петра В. Россія идетъ путемъ противоположнымъ, слѣдуя началу аналогіи сходства и сродства, по которому все человѣческое, или правильнѣе, все общечеловѣческое доступно всѣмъ народамъ, Англичанамъ, Французамъ, Нѣмцамъ и Русскимъ и что Русскіе могутъ отовсюду заимствовать все истинно хорошее, все достойное ихъ человѣчности. Тотъ и другой изъ названныхъ путей народнаго развитія одинаково логичны и разумны и даже можно сказать, что заимствованіе въ этомъ смыслѣ равносильно съ развитіемъ, которое немыслимо для организма безъ питанія, какъ питаніе немыслимо безъ принятія въ себя и безъ усвоенія изъ окружающей среды тѣхъ и другихъ элементовъ жизни, воздуха-ли, дождя и соковъ, или ощущеній, понятій, вѣрованій. Полное объособленіе, полное уединеніе какъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ организмовъ, такъ особенно народовъ и неразумно и невозможно. Но не забудемъ, что предметомъ для заимствованій между народами должно быть, по нашему положенію, добро-общечеловѣческое, которое одно идетъ въ прокъ, а потому одно и разумно и справедливо и необходимо.

Судя по многимъ, если не по всѣмъ явленіямъ нашей старины и древности, по гостепріимству русскихъ и по ихъ терпимости къ иноземцамъ,—по вызову въ Россію мастеровъ и принятію гостей иноземныхъ,—по частнымъ и разнообразнымъ сношеніямъ съ иноземцами, по раннимъ слѣдамъ постоянныхъ заимствованій отъ Варяговъ, Византійцевъ, Нѣмцевъ,—и до такой степени, что понадобились соборныя постановленія для воспрещенія русскимъ брить бороды, носить нѣмецкое платье, употреблять табакъ,—судя по одному этому, должно признаться, что обособленіе древняго русскаго народа и его привязанность къ родному не мѣшала ему обращать вниманіе на бытъ иноземцевъ, иногда перенимать у нихъ даже нѣкоторыя внѣшнія формы жизни, а тѣмъ болѣе важныя стороны этой жизни, именуемыя въ

актахъ „Европейскими обычаями“, или „Иноземными вымыслами“, какъ то читаемъ въ извѣстномъ актѣ 1682 г., января 12, которымъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ новелѣвалъ: „перемѣнить въ старомъ русскомъ военномъ устроеніи, что оказалось въ немъ не прибыльно и оставить безъ перемѣны, что оказалось пристойнымъ изъ прежняго“. Подобные акты, служа свидѣтельствомъ заимствованій, совершавшихся въ древней Россіи, важны для насъ еще потому что знакомятъ насъ съ древнимъ способомъ производить перемѣны, или реформы, какъ вообще, такъ и въ области права отъ Русской Правды до судебниковъ до и отъ судебниковъ соборнаго уложенія,— способъ, какъ-бы унаслѣдованный настоящимъ царствованіемъ и столько извѣстный всѣмъ намъ подъ именемъ реформъ. Такія заимствованія общечеловѣческихъ началъ всегда и повсюду крѣпки и удачны. Такъ ли происходило дѣло въ XVIII вѣкѣ? Не было ли здѣсь заимствованіе возведено въ начало исключительное, отрицавшее принципъ народной самобытности? Искало ли это заимствованіе общечеловѣческихъ началъ и не ограничивалось ли оно узкими національными учрежденіями Шведовъ, Нѣмцевъ, долженствовавшими замѣнить собою такія же національныя учрежденія русскія? Имѣло ли оно вообще дѣло съ началами, или довольствовалось перенесеніемъ на русскую почву однихъ учрежденій,—этихъ плодовъ и результатовъ извѣстной цивилизаціи? И не потому ли нововведенія XVIII в. требовали участія и содѣйствія силы и принужденія, какъ для своего водворенія, такъ и для дальнѣйшаго развитія? Какъ это, такъ и всѣ подобные вопросы мы пріурочиваемъ здѣсь исключительно къ области, права, дѣйствовавшего въ XVIII ст.,—къ области, которая почти одна остается неразработанною, даже едва тронутою. Это послѣднее обстоятельсто, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ на то, что особенно русское право было поражено заимствованіями по системѣ XVIII в., что было ощутимо и предчувствовано въ началѣ царствованія Петра В. знаменитымъ рускимъ бояриномъ кн. Яковомъ Долгорукимъ, отдавшимъ въ дѣлѣ законодательства первенство царственному отцу передъ царственнымъ сыномъ.

Начнемъ наше изложеніе съ общаго замѣчанія относительно источниковъ нашего права. Составители полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи положили въ его основу Соборное уложеніе, показывая тѣмъ связь между древнею и послѣдующею исторіею русскаго права вплоть до изданія и до предѣловъ дѣйствія нашего свода законовъ. Составители полнаго собранія законовъ должны были начать съ уложенія, которое было такъ прилажено къ народной жизни и такъ сообразно съ нею, что безъ уложенія эта жизнь лишалась своихъ юридическихъ опредѣленій и не токмо въ XVIII, но частію даже въ XIX вѣкѣ. Между тѣмъ извѣстно, что указы, регламенты и уставы XVIII ст., равно какъ отдѣльныя повелѣнія письменныя и словесныя, да различныя учрежденія и мѣры уже явно отличаются отъ Уложенія, какъ своими началами, по существу, такъ и своимъ легальнымъ значеніемъ, по формѣ, видимо стремясь къ замѣнѣ и отмѣнѣ всего соборно уложеннаго. Уложеніе, именуемое въ началѣ своего составленія уложеніемъ соборнымъ, или уложенною книгою, а впослѣдствіи Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, еще отличаетъ крестьянъ отъ холопей и рабовъ, сливаемыхъ впослѣдствіи въ одну безразличную массу крѣпостныхъ людей,—еще отличаетъ вотчины и помѣстья, равно какъ родовое, купленное и пожалованное, соединяемыя послѣ того въ одно общее понятіе имущества недвижимаго, и движимаго, одинаково подчиненнаго государственному праву до лишенія владѣльцевъ власти дѣлать завѣщанія, по указу о маіоратѣ,—еще отличаетъ семейный бытъ, основанный на любви и на общности имуществъ отъ быта гражданскаго, договорнаго, въ которомъ законно господствуетъ принципъ отдѣльности и исключительности, вводимый съ начала XVIII в. въ отношенія мужа и жены, родителей и дѣтей, — еще отличаетъ русскихъ людей разныхъ чиновъ, конечно, не по табели о рангахъ, тогда какъ впослѣдствіи всѣ эти русскіе люди смыкаются въ одну категорію русскихъ подданныхъ, — еще отличаетъ дѣла земскія отъ дѣлъ государственныхъ, смѣшиваемыхъ послѣ въ одну группу дѣлъ административныхъ и т. д. Вотъ почему говоримъ мы, что Уложеніе со-

ставляетъ послѣднее слово нашей древней исторіи права, а во все не первое слово новой жизни, разбиваемой и разгоняемой съ XVIII в. по мелкимъ указнымъ стезямъ для того, чтобы только въ наше время она стала опять сливаться въ одну общую народную жизнь, подъ сѣнію одного общаго для всѣхъ принципа, закона и права. И вотъ какъ и чѣмъ объясняемъ мы ту неспособность къ созданію Уложенія и подобныхъ цѣлостныхъ системъ права, которую выказалъ и которою страдалъ вѣкъ XVIII, сравнительно съ производительностью вѣковъ древнихъ, создавшихъ Русскую Правду, разныя судебныя грамоты, судебники и наконецъ, Уложеніе. Общій историческій фактъ, по которому древность такъ много создала великаго въ наукѣ, искусствѣ, вѣрѣ и въ правѣ, объясняется совмѣстнымъ, гармоническимъ усиліемъ и трудомъ цѣлостнаго духа въ противоположность той спеціализаціи, или раздробленной работѣ которой посвящаютъ себя послѣдующія поколѣнія. Вотъ чѣмъ объясняются XII таблицъ Рима, Русской Правды въ нашемъ отечествѣ. Въ созданіи такихъ законоположеній участвовалъ весь духъ народа, со всею энергіею его различныхъ способностей, и вѣры и чувства морали и знанія жизни и опытности и общей потребности. Конечно, принимая въ разсчетъ безчисленное количество указовъ, изданныхъ въ XVIII в., нельзя отказать ему въ производительности; напротивъ, тогда именно совершалась ихъ фабрикація и ихъ производство, только безъ соображенія спроса и потребностей. Думаю, что уже изъ этого факта, относящагося къ области внѣшней исторіи нашего права, видно, что вѣкъ прошедшій, или что истекшее столѣтіе образуетъ въ жизни нашего права особый промежутокъ времени и особый отдѣлъ между древнею и современною исторіями нашего права, и что этотъ промежутокъ и этотъ отдѣлъ, или этотъ періодъ должно называть не новою, а среднею исторіею нашего русскаго права.

Обратимся послѣ этого къ существеннымъ, внутреннимъ явленіямъ и характернымъ чертамъ русскаго права XVIII вѣка, начиная съ общаго вопроса о значеніи заимствованій

въ правѣ. Извѣстно одно, что заимствованія въ области права немыслимы безъ отношенія къ государству и безъ перемѣнъ въ самой идеѣ государства и въ государственномъ строѣ, по весьма простой причинѣ, состоящей въ томъ что внѣ государства или помимо государства, хотя въ его идеѣ, право немыслимо, будучи во всѣхъ своихъ частяхъ и положеніяхъ условлено извѣстнымъ государственнымъ устройствомъ. И Петръ В. начинаетъ свои заимствованія съ идеи государства, съ государства и съ государственнаго права, которое ему именно обязано своими особыми учрежденіями. Не забудемъ прибавить, что это заимствованіе не имѣло своимъ предметомъ идей, или началъ общечеловѣческихъ, или хотя общеевропейскихъ, такъ что напр., оно даже не коснулось тогдашнихъ англійскихъ государственныхъ установленій и ограничилось перенесеніемъ въ Россію нѣкоторыхъ учрежденій Франціи, Германіи или немѣцкихъ государствъ, по особому выбору. Присоединимъ, что этотъ самый выборъ, подборъ уже свидѣтельствуетъ о произволѣ, хотя именно въ государственномъ строѣ не должно быть мѣста ни произвольному подбору, ни произвольному измышленію, потому что государство не выдумка и не плодъ какихъ нибудь измышленій, или даже теорій. И заключимъ, что заимствованіе чужихъ готовыхъ учрежденій въ области государства, его администраціи и его права постоянно имѣетъ дѣло съ внѣшнею, наружною формою учрежденій, не касаясь причинъ, или основъ ихъ бытія, ихъ происхожденія въ данной странѣ и ихъ развитія, откуда происходитъ постоянная отсталость государства, заимствующаго отъ государства служащаго образцомъ. Объяснительнымъ примѣромъ такой отсталости со стороны заимствующаго одни результаты, безъ порождающихъ основаній, можетъ служить заимствованіе лѣтосчисленія, сдѣланнаго въ 1700 г. Россіей съ того времени опять отстающей, теперь на нѣсколько дней, а тамъ впослѣдствіи, на мѣсяцы, пожалуй, годы, если не примемъ вполнѣ западнаго способа счисленія, по грегоріанскому календарю. Случается, что въ странѣ заимствующей еще продолжаютъ дѣйствовать учрежденія, давно отжившія вѣкъ свой

на родной почвѣ и замѣненныя тамъ новыми учрежденіями противоположной формы съ противоположнымъ содержаніемъ. Отсталость въ учрежденіяхъ такъ же натуральна, какъ отсталость въ модахъ.

Но перейдемъ къ наблюденіямъ надъ процессомъ тѣхъ заимствованій, которыя были предприняты у насъ съ XVIII вѣка. Во времена Петра В. западныя государства, съ ихъ наружной стороны, представлялись, особенно при бѣгломъ наблюденіи, только внѣшнею связію и механическимъ соединеніемъ власти и подчиненныхъ, правительства и подданныхъ, и преимущественно въ государствахъ нѣмецкихъ, гдѣ,— при единствѣ нѣмецкаго народа, такъ много было разныхъ государствъ. Въ это время—короли запада не только одержали верхъ, но уже торжествовали свою побѣду и свое одолѣніе надъ различными средневѣковыми самостоятельными элементами государства,—надъ духовенствомъ и церковью, надъ герцогами и вельможами,—надъ штатами, дворянами, парламентами, городами и великій король Франціи—Людовикъ XIV только удачно формулировалъ общее положеніе власти своего времени, провозглашая себя воплощеніемъ государства и говоря про себя: l'etat c'est moi! Другими словами,—королевская власть на западѣ стала въ это время личною, произвольною. Съ другой стороны это время, западныя государства, такъ же по внѣшнему быту и виду, раздѣляясь на державы континентальныя и морскія большія и малыя, могущественныя и слабыя, вызывали поверхностнаго наблюдателя къ тому, чтобы признавать и считать самыми развитыми изъ нихъ и самыми сильными и счастливыми именно морскія, да обширныя. Причемъ такой наблюдатель явно выпускалъ изъ виду истинныя причины величія тогдашнихъ морскихъ державъ и даже то внѣшнее ихъ положеніе, по которому морскія были менѣе обширны, нежели континентальныя, какъ напр., Англія въ сравненіи съ Германской Имперіей, или Голландія въ сравненіи съ Франціей, или Венеція въ сравненіи съ Польшей и т. д. Впрочемъ, размѣры государствъ постоянно обращаютъ на себя взгляды поверхностнаго наблюдателя, который видитъ особый признакъ процвѣтанія государства въ размѣрѣ его вла-

дѣнія, что, впрочемъ, допускали,—хотя въ обратномъ смыслѣ, даже нѣкоторые ученые, находившіе, напр., что свобода гражданина развивается преимущественно въ государствахъ малаго размѣра, каковы Аѳины, Спарта, Римъ древнѣйшаго періода, Швейцарія, Бельгія. Это положеніе ученыхъ доказываетъ, что и въ наукѣ бываютъ повѣрья, предразсудки и несообразности. Свобода есть идея, принадлежащая къ области права, для котораго величина имуществъ, принадлежащихъ тому, или другому лицу и субъекту, совершенно безразлична. Съ другой стороны намъ извѣстно, что рабство, несвобода были и тяжеле и усиленнѣе въ античныхъ малыхъ государствахъ и даже пропорціонально ихъ развитію и процвѣтанію, какъ въ Аѳинахъ въ вѣкъ процвѣтанія, или въ Римѣ въ періодъ республики, сравнительно съ царствованіемъ, напр., даже Каракаллы, не говоря уже объ Іудеѣ въ древности или объ Американскихъ Сѣверныхъ Штатахъ нашего времени, обширныхъ и свободныхъ.

Но также точно, при болѣе внимательномъ изученіи западныхъ государствъ начала XVIII в. могущество ихъ не могло быть объяснено обширностью владѣній, потому что обширность владѣній повсюду и всегда составляетъ только слѣдствіе могущества, и потому что могущество государствъ повсюду и всегда зависитъ отъ силы населенія, такъ что сильными оказываются только тѣ государства, которыхъ территоріальные предѣлы совпадаютъ съ этнографическими, или народными, какъ то было въ описываемое время въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и т. д. Сила государствъ есть сила народа, его духа и патріотизма и собственно народъ образуетъ и создаетъ государственную территорію, такъ что сотни нѣмецкихъ государствъ, созданныхъ актомъ Вестфальскаго мира, были слабы вовсе не по причинѣ своихъ малыхъ размѣровъ, а потому, что ихъ размѣры не соотвѣтствовали ихъ народности. При тѣхъ же малыхъ размѣрахъ, Швейцарія была сильна и остается сильною, по крайней мѣрѣ сильнѣе многихъ изъ государствъ нѣмецкихъ, созданныхъ не въ силу народности, а въ силу актовъ Вестфальскаго, или, впослѣдствіи, Вѣнскаго мировъ. Такія искусственно построен-

ныя государства существовали, поддерживались и управлялись такъ же искусственно, по началу вотчинности да полиціи, не находя подъ собою естественной почвы—народа, исключеннаго изъ идеи, или понятія государства, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи запада и особенно земель нѣмецкихъ, откуда преимущественно заходили къ намъ политическія учрежденія и воззрѣнія, конечно, весьма узкія для Россіи. Покажемъ это на примѣрѣ.

Съ незапамятныхъ временъ народъ русскій принялъ земскую организацію, въ формѣ вервей и общинъ, областей и княжествъ, съ ихъ вѣчами и соборами, и, дѣйствіемъ этой организаціи, почувствовавъ нужду въ общемъ порядкѣ, въ общей безопасности, въ общей верховной власти, призвалъ князей въ свою землю, для созданія изъ себя русскаго государства. Послѣ того, дѣйствіемъ своей земской и государственной организаціи, русскій народъ порѣшилъ, отрекшись отъ язычества, принять христіанство и образовать изъ себя особую духовную или церковную организацію или общество вѣрующихъ, церковь. Такимъ образомъ русскій народъ сталъ и русскимъ государствомъ и русскою церковью и русскимъ земствомъ, положивъ тѣмъ твердую основу для единой, общей, гармонической жизни своихъ элементовъ и для единаго, общаго, гармонически дѣйствовавшаго въ странѣ и въ народѣ закона и права. И все въ этой странѣ и этомъ народѣ гармонически развивалось снизу вверхъ, въ неразрывной связи прошедшаго съ настоящимъ, для рожденія столь же мирнаго, гармоническаго будущаго. Вотъ почему у насъ умѣстны выраженія русскій народъ и государство,—русскій народъ и церковь,—русскій народъ и его земство, и вотъ почему наши древнія учрежденія постоянно носили на себѣ характеръ народности и до послѣднихъ, такъ сказать орнаментальныхъ подробностей—народную окраску, что и пытались мы представить въ нашей книгѣ: „Русскій народъ и государство“ *). И такъ было до XVIII ст., когда формула существенно мѣняется,

*) Москва, 1858 г.

подъ вліяніемъ западныхъ воззрѣній и превращается въ другую: «Правительство и поданные» „долженствующую выразить всю рѣзкость различія между нашей исторіей древнею и послѣдующей, опредѣляемою уже не актомъ, въ родѣ „Русской Правды", но актомъ „Правды воли монаршей",—не положеніемъ: „а то и воля божія, что выборные говорятъ", а началомъ, по которому, необязанный подчиняться человѣческимъ законамъ, царствующій государь можетъ призвать къ верховной власти кого пожелаетъ, что совершалось до Императора Павла I, не перемѣнами въ старомъ на основаніи того, что „прибыльно", и „пристойно", а перемѣнами для перемѣнъ, „понеже новымъ манеромъ еще не управлялись", не принципомъ, по которому жизнь народа составляетъ основу для закона, а указомъ: „Нашъ народъ, яко дѣти", или: „Наши люди, хотя что добро, да новое дѣло, безъ принужденія не сдѣлаютъ". Такъ что въ послѣдніе годы своего царствованія самъ Петръ В. сказалъ: „не всегь нѣволею сдѣлано"? и такъ что въ этой послѣдующей русской исторіи мѣсто законнаго занимаетъ одно указное. Припомнимъ, что въ старину законъ имѣлъ разнообразныя формы и виды, подобно тому, какъ и въ послѣдующее время, но съ различіемъ въ силѣ и значеніи этихъ формъ. Отличались въ старину указы отъ наказовъ, отъ уставовъ, или уставныхъ грамотъ и отъ уложеній тѣмъ, что указъ выражалъ собою актъ исключительно верховной власти, преимущественно въ дѣлахъ суда и управленія, какъ и доселѣ употребляется въ формулѣ: „по указу", въ смыслѣ—именемъ и властію государя; наказъ означалъ порученіе, данное въ формѣ повелѣнія извѣстному лицу и учрежденію къ исполненію; уставъ относился преимущественно къ дѣламъ суда, войны и финансіи, въ которыхъ власть дѣйствовала вполнѣ независимо, тогда какъ каузы, опредѣлявшіе права гражданъ, подобно уложенію требовали совмѣстнаго дѣйствія различныхъ элементовъ царства и составляли собственно законы. Все это въ началѣ XVIII в. получило однообразное значеніе и форму указовъ, въ значеніи приказовъ и повелѣній и лишь въ счастливое царствованіе Императора Александра II Россіи сообщается но-

вое направленіе по пути закона,—пути, начертанному еще въ нашей древней исторіи, такъ что и въ этомъ отношеніи время Петра В. до нашей эпохи должно быть названо среднею исторіею. И намъ предлежитъ теперь вопросъ: какимъ способомъ одно царствованіе могло совершить такой крутой переворотъ въ тысячелѣтнемъ или многовѣковомъ русскомъ царствѣ?

Извѣстно, что существо или свойство государства опредѣляется отношеніемъ живыхъ его элементовъ,—правительства съ одной и населенія съ другой стороны, къ неживому, физическому элементу,—къ землѣ, къ территоріи, или иначе къ природѣ страны. Рабство Египта и Азіи произошло именно отъ исключительнаго господства надъ землею, или отъ исключительнаго земельнаго господства фараоновъ, жрецовъ, воиновъ; равномѣрно—рабство въ западной Европѣ образовалось вслѣдствіе феодализма, вытекавшаго необходимо изъ исключительнаго господства надъ землею со стороны королей и ихъ сподручниковъ. Это положеніе можно повѣрить противоположностію явленій и событій въ исторіи Іудеи, въ древней Азіи, равно какъ Спарты, въ древней Европѣ, или у Славянъ, жившихъ въ новомъ мірѣ по началу общиннаго владѣнія. Понятно, что для осуществленія въ Россіи государственныхъ западно-европейскихъ установленій, Петръ В. долженъ былъ начать дѣло битвами на поляхъ русскихъ, предъявляя разныя притязанія казны къ русской землѣ, то къ металламъ ея нѣдръ, то къ минераламъ ея водъ, то къ лѣсамъ на ея поверхности и мало-по-малу оттѣсняя народъ отъ владѣнія этою землей. Отторгнувши народъ отъ его почвы, новый Геркулесъ приподнялъ новаго Антея и заключилъ въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Таковъ общій смыслъ дѣленій, произведенныхъ Петромъ В. по землѣ и по населенію въ Россіи.

Дѣлилась изстари русская земля, но сообразно составнымъ, живымъ, исторически образовавшимся въ странѣ отдѣленіямъ самаго народа, распадаясь на области, княжества, царства, служившія органами для земскаго народнаго единства, подобно вѣтвямъ, отросткамъ и другимъ частямъ одно-

го организма, растенія, дерева. Съ Петра В. русская земля дѣлится механически на геометрическія фигуры, болѣе или менѣе равныя ариѳметически, напр., на губерніи, на провинціи, а затѣмъ на доли въ 5536 дворовъ каждая и, наконецъ, на дворы съ указнымъ числомъ обитателей, именно по 5 человѣкъ въ каждомъ. Впослѣдствіи русская земля была раздѣлена на болѣе мелкія губерніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на уѣзды, распадавшіеся на станы, волости и затѣмъ на дворы уже въ 4 человѣка каждый, а дѣйствіемъ государственнаго межеванія,—на дачи, или почти неизмѣнные по величинѣ участки, въ чертѣ межи генеральнаго межеванія, явно отрицающіе вліяніе частнаго владѣнія, овладѣнія или распоряженія, подобно закону о послѣднемъ въ родѣ и майоратѣ, явно воспрещающему свободныя завѣщательныя распоряженія. Такимъ образомъ, изъ объекта частнаго права земля низводится до значенія стихійнаго, переходитъ въ предметъ правительственнаго распоряженія и только закономъ 1785 г. опять становится предметомъ собственности, но не общей, а почти исключительно дворянской.

Дѣлился изстари и народъ русскій, но естественно, на элементы, вызванные въ немъ жизнью общества и государства, которая немыслима безъ ея различныхъ органовъ и функцій, каковы война и миръ, дѣла духа, церковнаго служенія и народнаго образованія, равно какъ дѣла промысловъ и промышленности, съ ихъ дѣятелями, боярами, воинами, духовенствомъ, гостями, купечествомъ, ремесленниками, крестьянами, — дѣятелями, входившими въ эти званія, за немногими исключеніями, по личному расположенію, по личнымъ способностямъ, соображеніямъ и условіямъ, а не по одному рожденію, роду и происхожденію. Впослѣдствіи царь Иванъ Грозный вводитъ новое дѣленіе Россіи на земство и опричину, относя къ послѣдней весьма ничтожную часть великаго народнаго цѣлаго, чѣмъ это дѣленіе отличается отъ раздѣленія Петра В., который расширяетъ понятіе опричины на все населеніе, дробя его на сословія и подчиняя всѣ сословія государственному тяглу. Сословіе есть государственное, политическое учрежденіе, скрѣпляе-

мое актомъ рожденія и происхожденія, а потому исключительное, замкнутое, недоступное для лицъ другаго рода и происхожденія, такъ что сословіе не сливается съ другими и всѣ они только разрушаютъ народное единство, да становятся между собою во враждебное отношеніе, осуществляя правило римскихъ императоровъ: divide et impera. Таково было сословіе дворянъ или шляхтичей и шляхетства, несшее на себѣ исключительно государственную службу, царедворскую или придворную, военную, морскую, гражданскую, съ подраздѣленіемъ дворянъ на дѣйствительно служащихъ и недорослей, а служащихъ, по табели о рангахъ, на 14-ть классовъ, или чиновъ до разночинцевъ. Таково же было сословіе духовенства, призванное указами такъ же съ рожденія, въ лицѣ поповыхъ дѣтей, къ службѣ, въ предѣлахъ и средствами своего званія, согласно штатамъ, съ подраздѣленіемъ на черное и бѣлое,—съ выдѣленіемъ изъ перваго властей, въ отличіе отъ лицъ просто монашествующихъ, а изъ втораго—священно и церковно-служителей, да съ распредѣленіемъ однихъ ко двору, другихъ во флоть, иныхъ въ армію и т. д. Таково далѣе было сословіе городскихъ жителей, образованное изъ лицъ промышленныхъ и распадавшееся на двѣ гильдіи, да на нѣсколько цеховъ изъ ремесленниковъ, да на мѣщанъ и на подлыхъ людей, не признававшихся за регулярныхъ гражданъ,— сословіе, обязанное, по городамъ служить казнѣ своими промыслами, податями и пошлинами да личными повинностями, подобно крестьянамъ въ селахъ, раздѣлявшимся на разныя наименованія, по различію вѣдомствъ и владѣльцевъ, которыхъ собственность они составили, по акту ревизіи, или по ревизскимъ сказкамъ и книгамъ. Лица послѣднихъ трехъ классовъ, за немногими исключеніями въ пользу штатнаго духовенства, вписывались или вносились въ ревизію, или въ особые владѣнные акты, по именамъ, отчествамъ, прозвищамъ, или фамиліямъ для того, чтобы индивидуально, лично, а слѣдовательно, безотвѣтно подвергнуться какъ подушной государственной подати, такъ и личной государственной воинской повинности. Конечно, такое дѣленіе народа по всѣмъ на-

правленіямъ, вертикально и горизонтально, можно назвать скорѣе раздробленіемъ его состава на недѣлимые атомы, а присоединивъ сюда распоряженія времени объ отдѣльности имуществъ у мужа и его жены, у родителей и ихъ дѣтей, да правительственную опеку, вмѣсто древнихъ душеприкащиковъ, должно признаться, что указы Петра В., какъ бы стремились къ уничтоженію въ населеніи всѣхъ естественныхъ союзовъ, начиная съ семьи, общины и кончая земствомъ, народомъ. Государство перестаетъ быть организмомъ, превращаясь въ механическую массу атомовъ, сообразно теоріи и практикѣ запада и въ противность всей нашей исторіи, возстановляемой только въ наше время „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ". Такъ въ области русскаго права совершился истинный крутой переворотъ, совершилась настоящая революція, а не реформа и время этого переворота мы должны теперь назвать среднею исторіею нашего права.

Въ это время, на западѣ Европы верховная власть, воплощающаяся по требованію своей природы въ лицахъ владѣтельныхъ, стала дѣйствіемъ особыхъ теорій и практики, чисто личною властію, и не только личною, но произвольною, отдѣлившеюся и отдалившеюся отъ всѣхъ своихъ нѣкогда живыхъ источниковъ и органовъ права, законодательства и суда. Такая власть должна была поставить свою единичную волю на мѣсто закона и сообщить своей администраціи исключительное значеніе своего послушнаго орудія, отвѣтственнаго только предъ лицомъ начальственнымъ, такъ что со стороны управляемыхъ не могло быть не только законнаго протеста, оппозиціи, или возраженія, но даже простаго объясненія случаевъ неисполненія требованій, потому что всякій индивидуальный протестъ и всякое индивидуальное возраженіе было бы по закону преступленіемъ. Фраза Людовика XIV—l'état c'est moi—повсюду необходимо осуществлялась и вела неудержимо къ деспотизму, вслѣдствіе атомистическаго построенія государства. Эта атомистическая система запада не могла не отозваться у насъ съ начала XVIII вѣка на разныхъ учрежденіяхъ и событіяхъ,

изъ которыхъ здѣсь упомянемъ про самыя общія и самыя извѣстныя, характеризуемыя борьбою противъ нашихъ старинныхъ, общественныхъ элементовъ, — противъ боярства, подлежавшаго уничтоженію,—противъ духовенства, подвергнувшагося приниженію, — противъ городовъ, подчиненныхъ канцеляріямъ и крестьянъ, переданныхъ въ кабалу помѣщикамъ. Нельзя не чувствовать связи между старинпымъ положеніемъ: „царь указалъ, а бояре приговорили“ и поступкомъ боярина князя Якова Долгорукова, раздирающимъ указъ Петра В. Князь былъ человѣкомъ образованнымъ и не могъ позволить себѣ такой дикости, еслибы не считалъ, конечно, ошибочно въ Царской Думѣ, а не въ Сенатѣ. Извѣстна роль, которую въ древней Россіи играло духовенство и недаромъ совпадали тамъ средоточія для управленія дѣлами государства съ средоточіями для управленія церковію,—недаромъ съ возвышеніемъ титула князя возвышался титулъ епископа, да такъ, что съ принятіемъ Москвою значенія царства, у насъ появляется патріаршество, недаромъ даже то, повидимому случайное обстоятельство, по которому списки Русской Правды сохранились до нашего времени преимущественно въ Кормчихъ Книгахъ, да сборникахъ, носившихъ названіе „мѣрила правленія,“ равно какъ недаромъ только со временъ Петра В. наши іерархи именуются по ихъ прозвищамъ — Прокоповичъ, Яворскій, Максимовичъ. Относительно городовъ и селъ, нѣкогда знавшихъ свои вѣча и сходы, нѣкогда участвовавшихъ въ созданіи Русской Правды, при посредствѣ своихъ старѣйшинъ, а затѣмъ въ созданіи Уложенія, при посредствѣ своихъ выборныхъ,— теперь относительно этихъ городовъ и селъ довольно указать на развитіе администраціи въ это время дѣйствовавшей, повидимому, коллегіально, а въ сущности совершенно единолично. Самыя высшія коллегіи въ государствѣ—Синодъ и Сенатъ состоятъ подъ вліяніемъ принципа личности, воплощаемаго въ ихъ Оберъ и Генералъ-Прокурорахъ и даже въ формулѣ обращенія, напр. къ Сенату: „Господа Сенатъ,“ т.-е. господа сенаторы, съ указаніемъ, что и въ коллегіи всѣ дѣйствуютъ лично и отвѣтствуютъ лично и вотъ почему

въ актахъ говорилось „Сенатъ слушали", „Сенатъ приказали" и т. д. Среди другихъ собственно такъ называемыхъ коллегій бывали болѣе важныя, а въ нихъ президенты, иногда первыя, вліятельнѣйшія особы съ полнотою личной власти, сообщавшеюся всѣмъ командирамъ отъ губернаторовъ, воеводъ, ландратовъ, коммиссаровъ до помѣщиковъ и хозяевъ фабрикъ, до старшинъ гильдейскихъ и альдермановъ цеховыхъ, образуя изъ всего этого частую сѣть мельчайшихъ очковъ, съ крупными узелками, раскинутую по всей землѣ и поддержанную по всѣмъ пунктамъ воинскими командами.

Сводя все нами сказанное о нашей средней исторіи права къ общимъ итогамъ, мы должны признаться, что въ это время совершилось болѣе, чѣмъ простое, естественное у народовъ заимствованіе,—болѣе чѣмъ централизація и болѣе чѣмъ регламентація. Какъ сказали мы въ началѣ статьи, заимствованіе между народами равносильно развитію, составляя тотъ естественный процессъ жизни, по которому одинъ народъ занимаетъ у другихъ необходимыя для себя пополненія, съ цѣлію возвратить имъ свой избытокъ въ нужныхъ для ихъ жизни предметахъ и учрежденіяхъ. Заимствованія же XVIII в. ничѣмъ не ограничивались и на все распространялись, начиная съ иноземныхъ учрежденій и кончая иноземными орудіями работы, напр. даже косами, при уборкѣ хлѣбовъ, вмѣсто русскихъ серповъ и притомъ съ цѣлію вывести изъ русской жизни русскія учрежденія, или орудія и замѣнить ихъ нѣмецкими, шведскими, курляндскими учрежденіями и орудіями. Понятно, что централизація не вполнѣ выражаетъ то, что совершено у насъ въ XVIII вѣкѣ реформами. Централизація возможна повсюду и всегда, частію даже необходима, и ничего нельзя сказать противъ централизаціи въ арміи, или въ войскѣ, — въ финансовомъ управленіи, или вообще въ государственномъ управленіи, которое безъ того потеряетъ и въ силѣ и въ быстротѣ и въ единствѣ, столь необходимыхъ для управленія по дѣламъ государства. Но эта государственная централизованная администрація допускаетъ рядомъ съ собою, подлѣ себя и жизнь и бытъ и развитіе населенія даже въ фор-

мѣ сосредоточенной организаціи этой жизни населенія, по селамъ, городамъ, областямъ, какъ то было въ древности, въ образѣ вѣчей, сходокъ, соборовъ земскихъ избъ и земскихъ управленій. Въ прошедшемъ столѣтіи все это замѣняется администраціей, государственной полиціей, по всѣмъ вопросамъ жизни, быта и развитія населенія, которое тутъ становится матеріаломъ въ рукахъ формующаго управленія. Очевидно далѣе, что такое формованіе вовсе не есть только регламентація, которая, съ своей стороны, повсюду и всегда возможна, выражая собою приведеніе въ дѣло началъ, лежащихъ въ природѣ той или другой стороны народной дѣятельности, тогда какъ у насъ въ XVIII столѣтіи регламентація имѣла значеніе наряда населенія на казенныя работы, какъ въ дѣлѣ промысловъ, такъ и въ области просвѣщенія. И мы въ правѣ повторить выраженіе С. М. Соловьева, что Петръ В. совершилъ у насъ не реформу, а цѣлую революцію, истинный крутой переворотъ, а потому, сравнивая время Петра В. и послѣдующія событія со временемъ настоящаго царствованія, мы должны сказать, что исторія XVIII в. есть не новая, а средняя исторія, тѣмъ болѣе, что въ ней есть явленія, даже сближающія ее съ западною средневѣковою, начиная съ источниковъ права или съ внѣшней исторіи права.

Все, что называется правомъ, съ Петра В. становится государственною функціею и даромъ или подаркомъ правительства, выразившимся въ его актахъ, въ уставахъ, регламентахъ, жалованныхъ грамотахъ, плакатахъ, указахъ, тысячами и десятками тысячъ наполняющихъ собою наше полное собраніе законовъ. Есть между этими актами обширныя, по объему и частію систематически изложенныя законоположенія, каковы, напр., Регламентъ Духовный, или Регламентъ, данный главному магистрату, Воинскіе артикулы, или Морской Уставъ и т. д., но всѣ они, за немногими исключеніями, суть дословные переводы, содержатъ отвлеченныя начала, выработанныя чужою жизнію, подобно corpus juris canonici, или corpus juris civilis, въ средніе вѣка,—начала, можетъ быть, для Россіи желанныя, но только pia desideria, или законы для будущаго, тогда какъ въ жизни, въ дѣйст-

вительности все опредѣлялось отдѣльными короткими указами, временными, мѣстными, иногда личными распоряженіями, которыя одни вели свои счеты съ дѣйствительною жизнію, одолѣвая и направляя ее только мало-по-малу, только постепенно. Наши писатели обыкновенно пользуются и частію воспользовались, для начертанія исторіи XVIII в., всѣми обширными актами времени, въ которыхъ на каждомъ шагу встрѣчали только добрыя, благодѣтельныя желанія, предпріятія, виды и вышла оттуда исторія XVIII в. только желанная, но не вполнѣ дѣйствительная. Для вѣрности, должно дополнить картину тѣми мелкими чертами, которыя обнаруживаются при изученіи отдѣльныхъ указовъ и повелѣній, наиболѣе близко прикасавшихся къ дѣйствительности. Такое изученіе — родъ мозаичной работы, одно можетъ оказать услугу для желающихъ открыть объективную истину въ исторіи нашего права въ XVIII вѣкѣ.

Съ другой стороны, вглядываясь пристальнѣе въ характеръ явленій прошлаго столѣтія, нельзя не замѣтить, хоть отдаленнаго сходства нашей исторіи въ это время съ средне вѣковой запада Европы, особенно же замѣчая въ нашемъ XVIII столѣтіи борьбу и всѣхъ и во всемъ и за все. Есть тутъ борьба свѣтской власти съ духовной, въ формѣ искомаго и пріобрѣтаемаго правительствомъ преобладанія надъ церковною іерархіею, начиная съ уничтоженія патріаршества до отобранія церковныхъ имуществъ въ казну, до возведенія въ санъ оберъ-священника арміи или флота и до сопричисленія къ кавалерамъ и орденамъ. Есть тутъ борьба религіозная, въ формѣ сектъ и ересей и въ видѣ преслѣдованія старообрядцевъ, бородачей, квакерства, изувѣрства, масонства,— преслѣдованія, которое иногда кончалось, если не кострами инквизиціи, то огнями самосожженія раскольниковъ. Есть борьба классовъ и съ классами населенія, начиная съ уничтоженія боярства, гостей и гостинныхъ сотенъ, до строптиваго положенія шляхетства въ странѣ, особенно въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, которые въ бѣгствѣ изъ отечества ищутъ спасенія и бѣгутъ сотнями тысячъ за рубежъ Россіи, дубинами и дрекольями пролагая себѣ до-

рогу. Есть тутъ и борьба въ области права, которое становится вотчиннымъ, помѣщичьимъ, полицейскимъ, по городамъ и селамъ. Но самое наглядное обстоятельство, сближающее нашу исторію XVIII столѣтія съ западною средневѣковою, состоитъ въ ея положеніи относительно предшествовавшаго и послѣдовавшаго за нею времени. Какъ на западѣ Европы средневѣковая исторія отрицала древнюю, античную, а затѣмъ сама подвергалась отрицанію со стороны новой, такъ у насъ вѣкъ XVIII весь былъ отрицаніемъ нашей древней исторіи, подобно тому, какъ въ наши дни самъ подвергается отрицанію, выразившемуся въ эмансипаціи крестьянъ, или въ раскрѣпленіи крѣпостнаго гнета, — въ „Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ," — въ Новомъ „Городовомъ управленіи," — въ судебной реформѣ, — въ законѣ о печати, замѣняющемъ цензуру и т. п.

Историческій законъ отрицанія служитъ основаніемъ для образованія переходныхъ эпохъ, которыя, съ своей стороны, даютъ поводъ и вызываютъ къ установленію отдѣловъ въ разныхъ періодахъ исторіи. Такъ, обращаясь къ раздѣленію въ исторіи нашего права за прошедшее столѣтіе, мы отличаемъ тутъ три эпохи и три отдѣла. Царствованіе Петра В. образуетъ собою отдѣлъ, первый, тогда какъ время, протекшее со дня кончины этого великаго государя до восшествія на русскій престолъ Императрицы Екатерины II, составляетъ второй отдѣлъ, а событія, узаконенія и система права съ великаго момента 1762 г., несомнѣнно входятъ въ особый отдѣлъ — третій. И каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ имѣетъ свою физіономію. Такъ первый отдѣлъ представляетъ начало борьбы съ принципами древней исторіи, постепенный успѣхъ и окончательное торжество государственности надъ земскою народностію, но, конечно, не во всѣхъ подробностяхъ. Трубятъ побѣду надъ непріятелемъ, разбитымъ въ лицѣ его главной арміи, хотя еще остаются у него отдѣльные отряды не обезоруженными, или нѣкоторыя крѣпости не взятыми. Это — дѣло подробностей, частностей, — дѣло втораго отдѣла нашей исторіи XVIII в., гдѣ еще не безъ колебаній, не безъ частныхъ стычекъ, наступ-

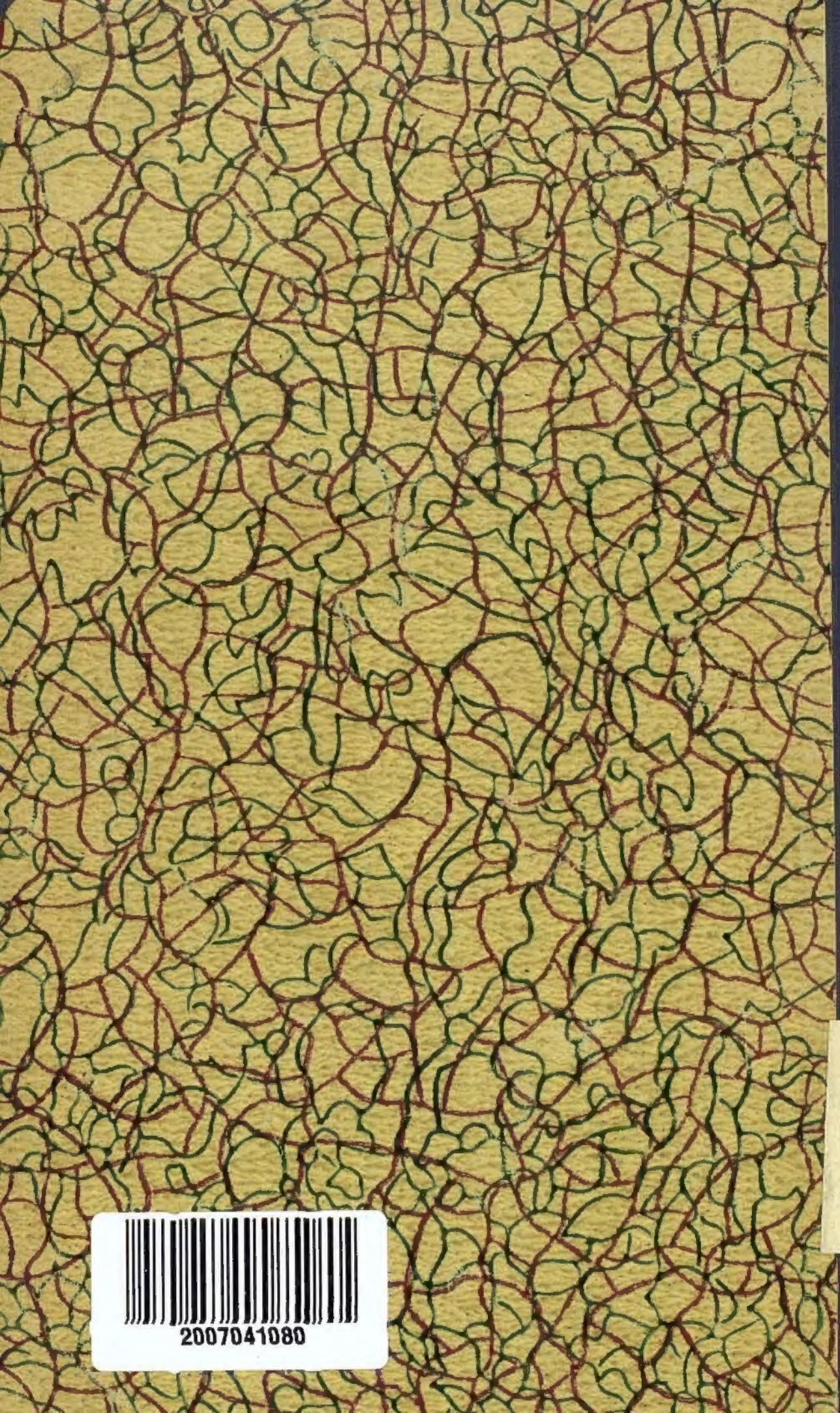
леній и отступленій, характеризующихъ переходное время. Не останавливаясь на явленіи частныхъ, личныхъ колебаній въ каждое изъ царствованій въ XVIII в., обыкновенно начинавшихся милостями и кончавшихся также обыкновенно строгостями, нельзя не видѣть колебаній въ общихъ явленіяхъ, подобныхъ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта, — чего-то въ родѣ древней Думы, — подобныхъ программѣ совѣта, рѣшительно отрицавшей учрежденія Петра В., или акту, такъ называемыхъ, верховниковъ, уничтоженному Императрицей Анной Іоанновной, которая положила основаніе такъ называемому петербургскому періоду, существенно только выполнявшему въ подробностяхъ начала Петра В. Третій отдѣлъ знаменуется тѣмъ, что русская старина неутомимо преслѣдуемая болѣе полустолѣтія, представляется здѣсь не токмо потерявшею свои орудія, но подвергшеюся огню собственныхъ орудій и собственной прислуги, такъ что народные элементы воспитанные и пропитанные иноземными понятіями, приглашаются и уполномочиваются совершать, по селамъ и городамъ, правительственные акты администраціи, суда и полиціи, въ силу своихъ жалованныхъ грамотъ и учрежденія о губерніяхъ, образуя государственную децентрализацію, замѣняемую только въ царствованіе Александра II земскимъ самоуправленіемъ съ земскими учрежденіями, мировыми судьями, присяжными засѣдателями, городовымъ управленіемъ, не знающимъ сословныхъ различій, подобно общей воинской повинности и другими благодѣтельными учрежденіями нашего счастливаго времени.

В. Лешковъ.

Москва, 1874 г. Янв. 17.

Дозволено цензурой Москва. 20 мая 1874 г.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.


2007041080